

Дитрих Байрау

Империя и ее армия*

Публикуемая статья принадлежит перву известного немецкого историка, профессора, директора Института истории Восточной Европы Тюбингенского университета Дитриха Байрау. Доктор Байрау является автором фундаментальных трудов о взаимоотношениях армии и общества, пока, к сожалению не издававшихся на русском языке. Редакция "Нового Часового" с удовольствием отклинулась на предложение нашего германского коллеги напечатать настоящий материал на страницах журнала. Статьей доктора Байрау мы открываем серию публикаций, подготовленных немецкими исследователями.

Введение

В статье поднят вопрос о том, прошла ли армия Царской империи соответствующие процессы "гражданализации" и национализации или следовала другим параметрам развития. В предконституционную фазу после Крымской войны были отменены отношения крепостной зависимости и сделаны первые шаги в направлении гражданского равенства и расширения прав участия в государственном управлении. В связи с перспективами дальнейшего развития возник вопрос, возможно ли преобразование в духе гражданской и национальной эманципации прежней системы сословного разделения и этнически-сословной иерархии на периферии или в территориальных автономиях; и другой вопрос: возможно ли преобразование, при котором не произойдет развал империи и ее армии?

Если возможно исследование соотношения между становлением нации и ролью вооруженных сил — инстанции власти и социализации противоборствующих групп — в формирующемся буржуазном обществе, то для Российской империи до середины 19 века такая постановка вопроса представляется неуместной. Ибо до этого времени Россия пребывала в таком состоянии, которое — по сравнению со стадиями развития стран Центральной и Западной Европы — следует считать периодом добуржуазным и абсолютистским. Учитывая "продвинувшееся вперед" развитие западных соперников, мы можем видеть, что в Восточной Европе действовали принципы сословного строя, которые имели силу и в армии. Помимо того, существенным является еще один фактор, который оказал специфическое воздействие на политику и вооруженные силы царской

*Перевод с немецкого Г.В.Снежинской.

России и, очевидно, создал трудности на пути как буржуазного, так и национального развития: начиная с царствования Ивана IV, империя, кроме исконно российских земель, охватывала целый ряд территорий других народов, и их интеграция осуществлялась весьма различными способами.

После Крымской войны, при вступлении в предконституционную фазу, когда были отменены отношения крепостной зависимости и сделаны первые шаги в направлении гражданского равенства и расширения прав участия в государственном управлении, возник вопрос, связанный с перспективами дальнейшего развития — возможно ли преобразование в духе гражданской и национальной эманципации прежней системы со словного разделения, существующей на российских территориях, а также и системы этнически-сословной иерархии на периферии или в территориальных автономиях, и при этом преобразование такое, при котором не произойдет развал империи и ее армии? Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война дали отрицательный ответ на этот вопрос, однако процесс здесь был иным: нежели в случае буржуазных и национальных революций 1848 и 1918—1919 гг. на западе.

Поэтому перед настоящим исследованием стоят следующие задачи: рассмотреть специфические формы интеграции, исторических изменений и последующей дезинтеграции в применении к вооруженным силам. В главе 1 дается описание элитных воинских категорий в рамках имперской системы. В главе 2 рассматриваются проблемы, важные для армии, т.е. офицеров и нижних чинов, в связи с переходом к предконституционному режиму. Наконец, глава 3 посвящена “племенной” контрамобилизации, главным образом 1905 и 1917 гг., которая происходила отнюдь не в соответствии с буржуазными или национальными принципами.

Классы военнослужащих и их империя

Как и во всех европейских государствах, в России, начиная с петровских реформ, становой хребет империи составляли бюрократия и регулярное войско. Их структура и функции до конца 19 в. оставались истроенными в имперскую систему, которая охватывала множество этносов, народов и наций, находившихся на самых различных уровнях развития цивилизации. В то же время исконные российские земли были центром и основой власти империи. Благодаря резервам российского царства, который с 16 в. расширялся путем колонизации и экономического освоения новых земель, происходили заносения на западе, юге и востоке. Механизмы покорения и интеграции в течение столетий изменялись в зависимости от характера завоеванных новых территорий. Вышедшие в 17 в. на перелом план соперничество с европейскими державами, необходимость соответствия европейским стандартам ведения военных действий, вооружений, техники и управления обеспечили привилегированное положение специалистам и дворянам из зарубежных стран и выходцам из завоеванных европейских земель. Так, партнерство балтийских провинций Лифляндии и Эстляндии получило гарантии своим сословным и землевладельческим привилегиям, которые как раз в то время находились под угрозой, исходившей от Швеции. В разделенной Польше до 1830 г. (материальный) привилегии шляхты почти не были затронуты, даже если ей и пришлось отказаться от привилегий либеральных форм участия в политической жизни. В Литве и русской Польше (Западной Украине) губернская система, введенная Екатериной II в 1775 г., не стала компенсацией политических прав местных парламентов (сеймиков) и верховного парламента (сейма), которые существовали в Речи Посполитой. В противоположность парламенту (сейму) преимуществу националистической политике Екатерины II, которая стремилась к созданию

по возможности однородных структур управления и налогового обложения, Александр I при разделе Польши (1815 г.) и присоединении Финляндии (1808 г.) экспериментировал с гибкими формами интеграции. Великое княжество Финляндское (территориально увеличившееся) и Королевство Польское (территориально уменьшившееся) получили конституции и национальные армии, правда, находившиеся под российским верховным командованием. При присоединении территорий на западе, то есть восточных народов, у которых не имелось таких “полезных” для государства, управления и армии специалистов и правяших слоев, и лояльность которых к тому же была сомнительна, с царствования Екатерины II стало важно сочетать контроль с государственным обустройством автономных территорий (резерваций). Так, в начале 19 в. в южных областях губерний Сибири казахи были объединены в резервацию, благодаря чему в значительной мере были защищены существовавшие там отношения землевладения, оплачивались услуги тех, кто служил в русской администрации, и использовалось мусульманское духовенство в качестве фактора сохранения порядка и цивилизации, традиционные права казахов при этом в значительной мере оставались в неприкосненности. Кроме того, казахи были освобождены от рекрутского набора и имели особое налоговое обложение². У мусульманских народов Поволжья и Крыма были — видимо, по примеру Священного Синода — учреждены мусульманские духовные комитеты. Они обеспечивали финансовое и материальное благосостояние мусульманского духовенства, преобразованного по европейскому образцу. Благодаря этому они стали привилегированным сословием и по поручению правительства контролировали население³. Старые военные и политические верхи либо вытеснялись и принимали христианство, либо настолько приспособливались к русским служащим, что становились чуждым собственному населению⁴. Одновременно использовался и военный потенциал завоеванных областей. Так, части и соединения крымских татар и башкиров участвовали в боевых действиях на европейских военных театрах, часто под командованием своих же соплеменников. Кочевые племена юго-восточных окраин или горцы Кавказа использовались во время российской экспансии в степь или в Кавказские горы в качестве “союзников” или вспомогательных частей; или же их жестоко подавляли, изгоняли и заставляли покидать свои земли, — так было в отдельные периоды с крымскими татарами и чиркесами⁵.

Как было уже в Крыму, так и теперь в Кавказских губерниях политика, рассчитанная на длительный период, состояла в том, чтобы уравнять в правах и привилегиях грузинскую знать с российским дворянством, дать ей в отдельных случаях возможность сделать карьеру в военной сфере — на местах и реже в центре. В 19 в. войска под командованием грузинских командиров на Кавказском фронте всегда верно сражались против османской армии⁶. Ни польская шляхта в Литве и бывшей Польше, ни грузинская или крымско-татарская знать не получила, однако, привилегий в отношении государства на своих территориях, которые можно было бы сравнить с теми привилегиями, что имелись у прибалтийского рыцарства.

До середины 19 в. царская империя представляла собой конгломерат правящих комплексов под “крышей” самодержавия. Завоеванные или “присоединенные” территории утратили свой суверенитет или сменили свою государственную принадлежность. Однако императльство в деятельность местных социальных структур на этих территориях, как правило, осуществлялось с большой осторожностью — что также было следствием “экстенсивной” практики власти. Во все возрастающем объеме — интенсивнее на западе и слабее на юго-востоке — происходила интеграция местных верхов в российскую дворянскую систему, образованную помещиками и привилегированными классами служащих.

Учрежденная в 1722 г. Петром "Табель о рангах" явилась тем документом, который позволил нерусским знатным лицам войти в царскую империю в качестве ее элементов. В "Табели" продвижение по гражданской, военной и придворной службе увязалось с присвоением дворянства. Она оказалась гибким инструментом, который на практике облегчал карьеру и традиционным русским и нерусским высшим слоям, но при необходимости открывал возможности карьеры, а тем самым и путь в дворянство также и представителям недворянских групп¹.

Наилучшие шансы были, впрочем, у тех групп, которые могли проходить службу в привилегированных войсках — гвардии, или в центральных административных органах. В военной сфере² начиная с середины 18 в. видную роль в социализации играли кадетские корпуса — они были созданы по образцу европейских рыцарских академий. В начале 19 в. они были дополнены гражданскими учебными заведениями (гимназиями и университетами), хотя путь карьеры через службу в гвардии по-прежнему не утратил своего значения. С середины 19 в. успешная карьера для высоких чинов в строю и штабах стала возможной почти исключительно через формализованную процедуру — окончание военного учебного заведения или (с 1881 г.) кадетского корпуса, а также военной академии. Однако и младшие офицеры с этого времени также должны были проходить стандартное обучение, состоявшее из двух ступеней, в юнкерских и военных училищах. Оно тоже в первую очередь было достоянием детей служилых и потомственных дворян. Построенная по европейским моделям, но приспособленная к российским условиям система образования и служебного продвижения в армии и управлении в 18 в. давала преимущества иностранцам³, в 18—19 вв. — представителям "дворянских наций", то есть польской шляхты и магнатов (до 1830 г.), немецких рыцарей из прибалтийских провинций, казачьей знати украинских земель и русского дворянства. Только они могли обеспечить своим сыновьям поступление в элитные учебные заведения для обучения и службы. Несмотря на возникающие временные напряженные ситуации из-за привилегий для иностранцев, остзейских немцев и поляков, возвышившийся служебный класс был реинрентантом "коалиции дворянских наций". Для представителей последней были доступны все должности в вооруженных силах и в управлении, причем до середины 19 в. можно было свободно менять гражданскую службу на военную и наоборот. Решающее значение имела не национальность, а протекция, ловкость и удачливость на службе, иногда игравли роль и личные высокие качества.

На фоне периодически вспыхивавших дворцовых переворотов, которые после смерти Петра I производились в основном петербургскими гвардейцами, "вооруженной рукой" дворянства, достаточно трудно установить, то ли самодержавие и империя держали в узде привилегированные классы служащих, то ли эти последние правили монархией и государством.

По крайней мере до середины 19 в. многие учреждения и должности в армии и управлении носили характер лохольных мест. Они давали необходимый доход в дополнение к доходам, получаемым от поместий, поскольку для соответствующей данному сословию жизни, особенно в столицах, поместья доставляли необходимые средства лишь в редких случаях. Материальные нужды, а главным образом и престиж, связанный с высокой занимаемой должностью, возможность избежать монотонности сельской жизни, — все это привязывало к службе. В особенности русскому и немецкому остзейскому дворянству и — с ограничениями после 1830 г. — польскому дворянству так называемых западных областей служба внушала чувство государственного патриотизма, которое в большей мере было основано на службе, нежели на привязанности конкретной местности. В особенности русское дворянство с его рассеянными по различным губерниям владениями, не имеющее венцом обоснованных дворянских

привилегий — таких, какие по немецким законам были связаны с поместьями рыцарей, складывалось как сословие прежде всего благодаря службе и в меньшей мере благодаря своей привязанности к провинции. Здесь мало что изменилось и после создания Екатериной губернской системы в 1775 г. и после Жалованной грамоты дворянству 1785 г.

Как правило, служебная карьера была связана с участием в военных действиях в самых разных краях — от Польши до Кавказа. В силу централизованности государственной структуры служба высших чинов после ряда промежуточных остановок в провинции обычно заканчивалась в Санкт-Петербурге или Москве. В основе имперского патриотизма лежало знание пространства страны, оно позволяло перемещаться в чрезвычайно различных по своему этническому и географическому характеру регионах, разумеется, соблюдая условия, которые были созданы там системой службы и островками светской жизни привилегированных слоев. Особенно типичной такая высокая мобильность была для офицеров. Большая часть войск из военных соображений перемещалась по ионациональной периферии страны, где военных расквартировывали в городах и селениях. Размещение войск в казармах завершилось лишь к концу 19 в.⁴ Исконо российские земли главным образом служили базой для рекрутского набора. Здесь размещались войска относительно небольшой численности.

Все прочие слои — купечество, горожане, сельское население, — с самыми различными отношениями зависимости, а также всевозможные иноверцы и иллюроды до середины 19 в. и позднее находились в подчиненном положении, если не вообще в положении данников по отношению к господствующему служащему классу. Разнообразие территорий и народов в лучшем случае воспринималось как некое фольклорное украшение или использовалось властями как орудие⁵.

От позднего абсолютизма к революции

а) Изменения в офицерском корпусе. Попадая Французская революция не вызвала прямых последствий для внутренней жизни Российской империи. Только поколение десакристов, родившихся не ранее 1800 г. и отчасти имевшее опыт участия в Наполеоновских войнах, в основном молодых офицеров-дворян, испытывало на себе влияние Пост-Просвещения, которое уже вскнуло во взаимосвязь с романтизмом и элементами раннего либерализма. Однако официальная политика от Павла до Николая I, за исключением либеральной эпохи Александра I (приблизительно до 1815 г.), проводилась таким образом, что этот период можно назвать наверстыванием абсолютизма, в то время как на западе абсолютизм уже видел свой недалекий конец. Свою легитимную основу он обрел в неоабсолютизме Пруссии и Австрии, это внутреннюю базу составляла слабая государственная инфраструктура и особенности "аграрной бюрократии" (В. Мюнге). Природные и экономические факторы все еще играли заметную роль. Управление и налоговая система по-прежнему опиралась на сравнительно слабую коммерциализацию сельского хозяйства, на доиндустриальные ремесла и экспансивную торговлю в форме сезонных и передвижных ярмарок. Статус России как великой великой державы не основывался ни на культурной, ни тем более на экономической ее мощи. Он базировался на умении несмотря на препятствия создавать достаточную базу для вооружения и демонстрировать силу путем мобилизации "человеческого материала". Чиновная Россия прореагировала на тревожные события в Западной и Центральной Европе, во-первых, в форме символического манихаризма и, во-вторых, экспериментами по внутренней милитаризации. После Павла в армии утверждалась так

называемая "прусская гатчинская система". Это была, можно сказать, патологическая страсть к парадам, которой почти болезненно предавались все все императоры, начиная с Павла. Бесконечные военные церемониалы символизировали государство как военную машину, поданных — как марширующие в строю ее винтики, которые по приказанию командиров исполняли великолепный балет. На практике для офицеров и солдат все обличивалось бесконечной мундирой, которая преследовала цель физического и духовного порабощения, однако ничего не дала в смысле подготовки к войне¹². С милитаризацией многих отраслей управления было, вероятно, связано намерение повысить дисциплину чиновников, о результатах однако нам мало что известно. В области культуры происходило ужесточение цензуры, а после 1848 г. начался буквально цензурный террор.

В военной сфере также проявлялась эта репрессивная политика. Содержание войск, численность которых достигла почти 1 млн солдат, сравнительно бедная Россия почти не могла финансировать. По этой причине Александр I и его "великийvizирь" А.А.Аракчеев увлеклись идеей военных поселений — в известной мере это был аграрный вариант *levée en masse*. Дело было в том, чтобы вырастить своего рода военизированное крестьянство, которое сочетало бы занятие земледелием с военной службой. Это было право всех отношениях репрессивная система, особенно на западе и северо-западе страны; в 1826 г. ею были порабощены 374 тыс. человек (из них 156 тыс. чел. активных и "работающих" солдат); после бунта новгородских поселенцев в 1831 г. система была модифицирована. Появились так называемые кантонисты — дети солдат или военных поселенцев; их надлежало обучать для службы в качестве нижних чинов — от барабанщиков и фельдшеров до унтер-офицеров. К 1856 г. в стране насчитывалось уже около 380 тыс. кантонистов. С появлением военных поселений возникла угроза того, что в них образуется особая каста, которая при ослаблении репрессивного режима и при эффективном руководстве может сдаться таким орудием в руках императора, которое может быть обращено против дворянства. Во всяком случае, подобные опасения имелись как в консервативных, так и в либерально настроенных кругах чиновников и военных.

Период наверстывания полицейского государственного абсолютизма завершился поражением России в Крымской войне. С известными оговорками можно сравнивать "великие реформы" Александра II после 1856 г. с реформами в Центральной Европе наполеоновской эпохи: отмена крепостного права (1861 г.), введение элементов самовладения на селе (1864 г.), судебная реформа (1864 г.) и последовавшее за ней устновление правовых норм административной деятельности, и наконец, что немаловажно — последовательные военные реформы, которые привели к установлению в 1874 г. всеобщей воинской обязанности. Несмотря на формальное сохранение самодержавий, Россия вступила в стадию, которая может быть названа "предконституционной".

До Крымской войны государственная служба в управлении и в армии была почти единственным родом деятельности, который подобал дворянскому сословию. С расширением государственного и местного управления, строительством дорог, появлениям промышленности и сферы услуг (кредитная система, образование, печать, санитарная служба, судопроизводство) появлялись и новые возможности приложения силы молодежи. Одновременно в названных областях открывались пути карьеры и для представителей этносов и слоев, которые ранее не относились к привилегированным. Впрочем, эти изменения в управлении и армии осуществились лишь к концу 19 в. До того, здесь доминировали — отчасти по причине укоренившихся привилегий, отчасти из-за непреодолимых культурно-социальных барьеров — представители тех народов, которые играли главенствующую роль еще при Екатерине II: от 75 до 90% высших должностных

стей в центральном и местном управлении на рубеже 19—20 вв. занимали "русские"¹³. Но, как и прежде, непропорционально широко было представлено остзейское немецкое дворянство, хотя теперь его доля и снизилась по сравнению с первой половиной 19 в.¹⁴

Национальный состав офицерского корпуса (в %)¹⁵

Воинское звание	Годы	Православ.	Католики	Лutherans	Мусульмане	Армяне	Грузины
Генералы	1862*	63	9	28	0,4	0,4	—
	1902**	84	4	10	0,6	0,4	0,3
Полковники	1862	64	10	25	0,2	0,8	—
	1903	85	6	7	0,7	0,3	0,7
Капитаны	1862	65	19	13	0,9	0,3	—
	1903	80	13	4	0,9	1,0	1,5

* данные за 1862 г. по всем генералам, полковникам и капитанам армии

** данные за 1902—1903 гг. по этим же званиям в армейской лехоте

Как показывают изменения национального состава офицерского корпуса, в нем произошло вытеснение поляков и немцев в пользу русских (и украинцев). Возможно, возрастание доли русских было связано, главным образом, с утвердившимся в ходе создания системы военных образовательных учреждений количественным преобладанием русских и украинцев, которое сохранялось и в середине 19 в.

Кроме того, важное значение имели административные меры. Вследствие отмены автономии Польши после восстания 1830—1831 гг., она лишилась всех черт собственной государственности. Конечно, до 1874 г. в Польше существовала собственная система воинского набора, но польские офицеры и солдаты должны были служить в русских частях и передко за пределами бывшего Королевства Польского. Хотя с 1831 г. и особенно после 1863 г. польские подданные подвергались разного рода дискриминации, они все еще составляли вторую или третью по численности группу после православных, занимая высшие должности на гражданской или военной службе паряду с прибалтийскими немцами. При этом поляки лишь редко получали право занять исключительно высокий пост (министра, губернатора или верховного командующего). С 1864 г. в гвардейских и армейских полках доля офицеров польского происхождения или жснщатых на польках (%) не должна была превышать 20% от общего состава. В Варшавском воинском округе, территории которого совпадала с границами Польши после Венского Конгресса, польским офицерам вообще не разрешалось служить, точно также и в нижнерусских войсках и в военных учебных заведениях в качестве преподавателей. В конце концов эти запреты распространились и на Академию Генерального Штаба и Военно-юридическую Академию. В Инженерно-артиллерийскую академию на каждый курс принимали только одного поляка (!)¹⁶. Стремившиеся получить образование и сделать карьеру поляки — так же как и евреи — вытеснялись в сложившись недавно и не контролируемые непосредственно государством сферы умственного труда, становились двордаками, инженерами, врачами. Здесь они вместе с евреями составляли соответственно второе и третье по численности этническое меньшинство¹⁷.

В 1888 г. последовали новые распоряжения о квотах, но теперь уже они касались не только поляков, которым одновременно было запрещено служить в штабах корпусов. Доля офицеров местного происхождения в войсках, дислоцированных в прибал-

26
тийских провинциях (немцев, упоминаются также эстонцы и латыши), теперь не должна была превышать 20%. В Кавказском военном округе до 20 % была снижена доля офицеров-армян. В целом процент офицеров неправославного вероисповедания во всех частях не должен был превышать 30% от общей численности.

Наиболее серьезные последствия имела дискриминация евреев, которые в по-
здний период истории царской империи, несомненно, были одним из самых мобиль-
ных и стремящихся к карьере этносов. Законом о всеобщей воинской обязанности
(1874 г.) предусматривалось, правда, равенство евреев с другими воиннообязанными и
добровольцами, однако вскоре последовали ограничения, которые перечеркнули это
дополнение¹⁸.

Если за исключением периода Крымской войны офицерская карьера осталась неизменной формой жизни дворянства и аналогичных ему господствующих слоев населения нерусских национальностей, то, особенно после реформы образования, в офицерской среде начался процесс профессионализации. При этом в начале 20 в. в образовании и карьере сохранялась двуступенчатая система. Если масса войсковых офицеров, по преимуществу дворян, проходила близкое к спартанскому обучение в юнкерских и военных училищах, то лучше обеспеченные материально и занимающие более высокое положение кандидаты на офицерские чины проливались благодаря учебе в более притягательных кадетских корпусах и военных академиях, в которых формальность исключалась из сословных ограничений¹⁹. Чтобы занять высокую командную должность в частях, штабе и сравнительно более комфортную — в системе военного управления, обязательно требовалось пройти через эти учебные заведения. Достижение таких же высоких должностей благодаря службе в частях почти полностью исключалось. Тем самым в карьере конкурировали между собой бессистемно сложившиеся сословные привилегии и принцип высоких личных заслуг. На рубеже веков военная элита по сравнению с гражданской была менее "допотопной" постольку, поскольку доля поместного дворянства в ней была крайне невелика. Напротив, в важнейших учреждениях на высших должностях гражданского управления владельцы поместий все еще имели своего рода влиятельное меньшинство²⁰.

Несхожие пути карьеры и резкий контраст между офицерами и командирами, одной стороны, и работниками управления, с другой, не могли способствовать выработке "корпоративного духа", который был столь характерен для национально-государственных армий западных стран. Внутренняя дифференциация при этом определялась сословием и этническим происхождением, но еще больше — образованием и карьерой.

и этическим происхождением, на-
фиксировалось на фигуре императора, то в конце века в профессиональной офицер-
ской среде, очевидно, сосуществовали имперско-патриотическая и национально-р-
сская ориентации, которые выступали в различных комбинациях. Панславизм, на-
дивший, вероятно, отклик и среди офицеров, наиболее сильное воздействие
влиятельных лиц оказывал в годы войны на Балканах (1877–1878 гг.). Видимо, опре-
ленной поддержкой офицерского корпуса пользовались конспиративные союзы по бо-
бе с революционными группировками, ответственными за убийство Александра Г-
форме отчасти искусственно созданного мифа о Скобелеве национально-русские, я-
выраженные антитурецкие настроения соединились в имперскими и колонизат-
ками линиями. М.Д.Скобелев представлялся “рубакой”, который и за “братьев-
вян” на Балканах сражался, и туркам “показал” – взял доселе неприступную
пость Гек-Тепе²¹.

Хотя и в офицерской среде имел распространение антисемитизм, однако найти датные, свидетельствующие о значительной поддержке со стороны офиц

так называемых "черных сотен", которые были инициаторами еврейских погромов или их использовали. При всей лояльности офицерского корпуса режиму, вряд ли можно говорить о политической ментальной специфике офицерской среды.

Милитаризм в качестве убеждения, плюванизм и империализм в обществе состоятельных и образованных людей, какими были офицеры, имел лишь слабую базу. Если судить по печати, то такие взгляды были характерны скорее для меньшинства офицерского корпуса. В России не было своего Киплинга или своего Трейчке. Историк Петер Кенец заметил: "В то время когда Трейчке писал о жлезе и крови, Ключевский анализировал истоки крепостничества в России"²².

Вопреки пребывавшей в образованных слоях гражданской культуры, в 1894 г., вероятно по инициативе военного министра П.С.Ванновского, вновь по примеру Германии были разрешены запрещенные Петром I офицерские дуэли. В начале 19 в., несмотря на запрет, они были, видимо, широко распространенным явлением²³, теперь же в форме дуэлей офицерам належало отстаивать "честь мундира". Эта мера вызвала публичное осуждение даже со стороны видных военных и прежде всего со стороны военных юристов²⁴.

О том, как трудно было поднять офицеров на политические выступления, свидетельствует попытка мобилизовать их во время революции 1905—1906 гг. на монархическую агитацию среди солдат. Этот эксперимент провалился в силу неопытности офицеров и по причине наличия ментальных и языковых барьеров между офицерами и солдатами.

Трудности с применением войск на национальных окраинах почти никогда не возникали²⁵. Восстания начались здесь раньше и носили более ожесточенный характер, чем в центре России, хотя сигналом к ним послужило петербургское "кровавое воскресенье" (9 января 1905 г.). При этом подвергавшиеся большей опасности местные слои — например, балтийские рыцари — могли быть теми, кто призывал русские войска на подавление мятежных латышей и эстонцев²⁶. С другой стороны, офицеры и военные юристы считали, что их использовали во зло, когда полевые части и военно-полевые суды применялись для усмирения восставших рабочих и крестьян²⁷.

Если до 1914 г. в среде офицеров царской империи господствовало нечто вроде корпоративного духа, основополагающего в большей мере на профессиональной общности, а не на политическом консенсусе, то этот дух был уничтожен вследствие больших потерь в ходе Первой мировой войны. За годы войны численность офицеров возросла от 40 тыс. до 146 тыс. чел., при том, что потери в 1917 г. составили 63 тыс. чел. Соответственно из войсковых командиров и офицеров могло оставаться в живых не более 10% от численности на 1914 г. Разумеется, это не относится к так называемым генштабистам — офицерам штабов и служб управления, они почти не понесли потерь*. Потенциал офицеров армии в 1914 г. был не слишком велик — около 29 тыс. чел.²⁹ Поэтому воевавшие в 1917 г. офицеры представляли собой слишком поспешно обученную и, в представлении старых офицеров, едва ли занимавшую достойное место в обществе молодежь. Они были гораздо более податливы к воздействиям политических течений, чем старые карьерные офицеры. Как показывает пример воспитных училищ Петербургского военного округа, в ходе войны социальный состав будущих офицеров претерпел драматические изменения: доля сыновей потомственных и служилых дворян упала с 33% (1913 г.) до 15% (1916 г.), доля выходцев из духовенства и семей почетных граждан возросла за тот же период с 14 до 18%, доля детей купечества, горожан и крестьян — с 33 до 58%³⁰. Несомненно, эта подрастающая офицерская смена отличалась отрежле всего образованностью от массы солдат, в лучшем случае полуграмотной, иссомненно, они были политически благонадежны, но все же со старым офицерским корпусом у молодых

офицеров было мало общего. Из этой молодежи в смутное время 1917 г. вербовался офицеров так называемых комитетчиков. Потому что в солдатские комитеты крупных социальных (армий и фронтов) более охотно выбирали образованных и умеющих публично выступать унтеров и офицеров, а также командиров, пользовавшихся доверием солдат. До сентября-октября 1917 г. эта группа ориентировалась на Временное правительство. Только после проигрыша Корниловского переворота (25–30.08.1917 г.) прежде всего на северо-западном участке фронта вперед вышли представители радикальных партий. Комитеты перемалывались жерновами политики "защиты Отечества", навязываемой Временным правительством, и все нараставшим нежеланием войск воевать. В этой среде, очевидно, было выдвинуто в 1917 г. и требование о создании или расширении национальных войсовых формирований. Монархизм и старый имперский патриотизм были мертвы, их не удалось реанимировать и впоследствии.

6) *Подчиненные сословия и этносы*. Когда Петр I призвал сыновей князей, бояр и служилых людей различных категорий к личной службе в вооруженных силах или канцеляриях, еще не существовало однозначного юридического понимания дворянства. Тем не менее речь шла о привилегированных группах, как правило, владеющих землями и людьми. С введением в 1720-х годах подушной подати русское население было чисто схематически разделено на служащих лично и на платящих налоги или исполняющих повинности. Налоги и повинности были возложены на городское население. Местным верхам (монастырям, помещикам, городским управам и сельским старостам) представлялась возможность перераспределять в своих общинках квоты, установленные правительством. Число рекрутов, которых забирали в солдаты пожизненно, затем, в 19 в. до Крымской войны, — на 20 лет, определялось властями. Они исполняли "повинность" государству. С середины 18 в. набор рекрутов стал упорядоченным. В 19 в. в различных категориях населения утвердился так называемый набор по жребию или по очереди. То есть отбор соответствующих мужчин происходил либо путем жеребьевки, либо по очереди, причем начинали с семей, где было больше трудоспособных мужчин³⁴. Аналогично тому, как все более свободно распоряжались личной службой дворян, — в 1762 г. она вообще была отменена как обязательная, — с середины 18 в. законодатели устанавливали все новые исключения для облагаемого налогами населения. Освобождение определенных групп населения от рекрутского набора происходило иногда благодаря денежным или иным компенсациям, иногда без таковых. Здесь особенно важным было освобождение от рекрутского набора купеческих гильдий³⁵. До Крымской войны полагали, что поставлять солдат не обязано около 20% налогоблагаемого населения.

Вместе с тем вплоть до 80-х годов 18 в. основное бремя по набору несли центральные области России, а также этнически смешанное население Поволжья (русские, мордва, чуваши, башкиры, татары и др.). На Украине, которая тогда еще заселялась, имелись различные формы соединений, набиравшихся на местах (казаки). Первые шаги по созданию налогового и административного единства были предприняты еще при Екатерине II и форсировались при Павле I: на территориях, отошедших к России после первого раздела Польши, тотчас же была введена подушная подать — вместе с прежним польским налогом "на дым" — и начался рекрутский набор. Одновременно подушная подать и рекрутский набор были распространены на гетманскую Украину, так называемую Новороссию и южнорусские области. Наконец, в 1796 г. дошла очередь и до прибалтийских провинций³⁶. Параллельно с соображениями административного налогового единства, а также ввиду роста потребности в солдатах, указами постоянно подчеркивалась мысль о необходимости равномерного распределения бремени рекрутского набора между всеми и освобождении от него центральных российских берний.

К началу 19 в. из некогда однородных по национальному составу рядовых возникло многонациональное войско. Согласно данным Иоганна Шторха, в 1803 г. 40% рекрутов были родом из этнических русских, 14% из литовско-белорусских и около 17% из украинских (в сегодняшнем смысле) земель. Почти 30% приходилось на не восточнославянские народы: прибалтов, финнов, народов Поволжья, татар³⁷.

Наконец, в 1827 г. рекрутский набор распространился на последнюю многочисленную нерусскую нацию — евреев; до этого времени они платили компенсационный налог. В отличие от прочих групп населения, которые поставляли рекрутов в возрасте 20–35 лет, еврейским общинам разрешалось отдавать на службу детей старше 12 лет. Причина и предлог для этой варварской меры, которая привела к настоящей охоте за еврейскими мальчиками, преимущественно из беднейших семей, были, во-первых, ранний возраст вступления евреев в брак и, во-вторых, надежда русской стороны, что на военной службе удастся осуществить обращение евреев в христианство. Что и удавалось — порой путем применения пыток. Аналогичные методы — рекрутский набор детей и более или менее насильственное крещение — при Петре I применялись по отношению к волжским татарам. С тех пор в татарских регионах в пользу крещения действовали в основном путем освобождения от налога и рекрутского набора, иногда, правда, перекладывая это бремя с новообращенных христиан на их упорствующих земляков — мусульман и язычников³⁸. По отношению к евреям, нации дискриминированной, тем самым впервые была сформулирована цель: через призыв на военную службу и другими мерами, главным образом в сфере образования, добиться их гражданского и конфессионального выравнивания с другими³⁹.

Судя по положению и участию войск в боевых действиях, в 19 в. многонациональный состав рядовых не представлял собой проблемы, так же как и многонациональный состав офицерского корпуса⁴⁰.

Однако с точки зрения общин рекрутская повинность была чем-то вроде человеческого жертвоношения. Поэтому старались отдавать в армию прежде всего мужчин, которые прослыли "никчемными", были балластом для общин или заслужили наказание. Чтобы они не пустились в бега, их метили, иногда сажали под замок. Для рекрутов их положение было равносильно "гражданской смерти". Прощание с семьей и общиной принимало вид попойки под "гомерические вопли баб"⁴¹. Они никогда не возвращались домой. Менялась их сословная принадлежность — из горожан или крестьян они становились солдатами. Тем самым они теряли всякую связь с родной средой. Если они выживали в ходе процедуры рекрутского набора и на марше к месту службы, то там, в полку, у них завязывались новые отношения — с солдатами. Большая часть войск стояла в национальных окраинах и часто перемещалась, поэтому к здешним крестьянам и жителям городов солдаты относились зачастую немного лучше, чем оккупанты-иноzemцы. Даже после Крымской войны войска функционировали как вооруженная сила, которая применялась для обороны страны и завоеваний, а внутри империи в качестве полиции и являлась эквивалентом наемных войск, которые используются по усмотрению и не имеют никаких связей с населением.

При таком отрицательном отношении к службе в армии и флоте — а для флота предусматривались особые районы рекрутского набора — положительные ассоциации согласия с распространившимся в 18 в. представлении связывались не с образом солдата (или матроса), а с фигурой казака как борца за "свободу", воюющего против "врагов" и "немецких" гостей из Петербурга. Казаками называли себя крестьянские бунтовщики, желая подчеркнуть свои притязания на свободу⁴². К концу 19 в. миф о дальнних казаках был использован националистической риторикой несмотря на то, что в позднее середины 19 в. казачьи войска уже утратили свое значение запитников

границ и превратились в субсидируемую государством организацию⁴⁰. В 1905 г. они — вместе с гвардейцами — в последний раз позволили использовать себя как силу для подавления восставших народностей, рабочих и крестьян. Казак в то время стал во-площением грубяна — защитника самодержавия, тогда как верность армейских частей в 1905 г. оказалась ненадежной.

Произошедшие здесь изменения были связаны прежде всего с последствиями введения в 1874 г. всеобщей воинской обязанности. Она была введена в связи с изменением соотношением сил в Европе, и особенно под впечатлением войны немцев и французов, а также в связи с необходимостью в условиях мира содержать сравнительно немногочисленную караванную армию, а в случае войны иметь возможность мобилизовать максимально большое число резервистов. Однако за этим мероприятием стояла еще и надежда: преодолеть сословные барьеры и превратить Россию в единое буржуазное государство. Ратовавшие за рекрутский набор энтузиасты, которых, впрочем, было не много, уже видели в мечтах армию "школой нации"⁴¹. Это означало бы и основательную интеграцию народов и слоев, занимавших ранее подчиненное положение, в обществе буржуазного государства.

Такому развитию препятствовали две принципиально важные проблемы: 1) неликвидированный несмотря на реформы 60-х годов культурно-социальный дуализм, который в иной форме обнаруживался и на не-российском обществе — тот дуализм, который в иной форме обнаруживался и на не-российских территориях и 2) сам многонациональный характер государства.

3. Мобилизация окраин и центра

а) Возникновение национального вопроса. Не случайно уже в 19 в. петербургское правительство столкнулось с непреодолимыми трудностями в отношениях с Польшей, ведь самое позднее начиная с периода реформ, шляхта в Речи Посполитой, несмотря на свою старинную социальную структуру, выработала современное и добавок "республиканское" национальное самосознание. Как выяснилось в 1830—31 гг. и еще отчетливее в 1863 г., оно было характерно также и для маленьких людей в городах — почти не затронуло крестьянство. Разделенная Польша, а также польское общество — так называемых западных областях (после 1831 г.) — Литва и "русская Польша" теперь подчинялись исключительно военным и социально-репрессивным методам правления. Вначале поведение Польши не являлось примером для других народов, потому что мятежное дворянство западных областей не могло рассчитывать на ответную любовь окружавших его и зависимых от него аграрных народов (украинцев, белорусов и литовцев), а также евреев⁴².

Кроме того, нерусские народы, находившиеся на самых различных стадиях цивилизации, обитали на окраинах российской территории, не всегда проживали компактно и развивались в культурном и политическом отношении различно, причем зачастую не имели взаимных связей. Только политика постепенной административной унификации, появившаяся после реформ системы светского (и одновременно русифицированного) образования и, не в последнюю очередь, все более агрессивная политика русификации, начавшаяся в 80-е годы, создали основу для появления первых связей между этническими группами, которые прежде были в значительной мере изолированы друг от друга. Очевидно, прежде всего гражданская образовательная система, формирующаяся в них, в национальном отношении скорее индифферентная оппозиционная культура радикальной интелигенции безоговорочно приняли представителей прежде подчиненных народов и этносов. В оппозиционных элитах против "коалиции

дворянских наций" сформировалось нечто вроде представительств прежде подчиненных слоев и этносов, о чем можно судить по национальному и социальному составу революционного движения и первых органов власти в начальном периоде правления большевиков⁴³.

С точки зрения правительства, сложности, сопряженные с ростом самосознания национальных представительств и тем более с возникновением национальных движений, оставались не взаимосвязанными; потому что происходили в удаленных друг от друга районах. Очевидно, это отражалось в описании этих трудностей как суммы конфликтных ситуаций, которые способствовали потере авторитета и в конечном счете краху самодержавия, хотя сами по себе не вызвали его краха.

Программа реформы, предложенная националистически настроенным военным министром Д.А.Милютиным (1861—1881 гг.), основывалась на том, что нужно использовать "естественный перевес" русского элемента, то есть, что нерусские в армии если не русифицируются, то подвергаются русскому влиянию благодаря расположению и дислокации. По его представлению, обновленная армия должна стать гориллом для переплавки наций, в котором русское большинство без труда поднимется наверх. Этой цели служили заново утвержденные в 1874 г. правила рекрутского набора и распределения: в каждой воинской части должно быть не менее 75% "русских" (то есть великороссов, украинцев и белорусов)⁴⁴. Исключением из правил о всеобщей воинской обязанности была Финляндия — с 1878 г. у нее было новое военное законодательство — далее, территория казачьих войск, кавказские губернии, Туркестан, а также кочевые народы Северной Сибири и так называемая степь, в значительной мере совпадающая с территорией сегодняшнего Казахстана⁴⁵.

После введения всеобщей воинской обязанности и до 1914 г. в национальном распределении не происходило существенных изменений⁴⁶. Точные данные за годы Первой мировой войны отсутствуют, однако соотношение между отдельными национальностями в составе вооруженных сил выводится из численности соответствующих народов: 23% — украинцы, 8% — белорусы, 4% — поляки и другие малые народности⁴⁷. Открытые дискуссии по вопросу о равномерном с точки зрения этнических критериев набора рекрут из населения до 1914 г. редки; но всей вероятности, их не разрешалось обнародовать. Правая пресса могла упрекать евреев том, что они склоняются от воинской службы с помощью взяток или бегства, однако приведенный представителями еврейства контраргумент о том, что евреев призывают на службу не пропорционально численности еврейского населения, не был опубликован⁴⁸.

Большой шум за пределами Российской империи вызывала отмена автономии Финляндии (1899 г.) и ликвидация ее собственной воинской организации (1901 г.). Еще в 1871 г. военный министр Милютин путем реформы финского законодательства добился отмены ее самостоятельности, однако в то время это предложения не имели успеха⁴⁹. Тридцатью годами позже последовало вледение в Финляндию воинской обязанности по российскому образцу и российскому примеру. Оно встретило неожиданно сопротивление в этой стране, где за истекшие годы уже сложилось национальное единство. В 1903 г. лишь две трети рекрут явились для медицинского освидетельствования на призывные пункты. Автономия и свои вооруженные силы здесь уже настолько были национальным символом, что Петербург — под давлением революционных событий 1905—1906 гг. — снова предоставил Финляндии собственную конституцию, удовлетворившие финансовыми вложениями Финляндии в оборону. С тех пор от Финляндии требовали исполнения воинской обязанности. Но это было лишь тактическим отступлением, потому что от своей конечной цели — русификации — в Петербурге не отказывались⁵⁰.

Конфликты совсем иных форм были вызваны попыткой ввиду нехватки армейских кадров, обнаружившейся в 1916 г., набрать рекрутов в среднеазиатских степных районах и Туркестане и использовании их в трудовых отрядах. После покорения называемых территорий в 60-х годах они имели статус колоний с военным управлением. С 90-х годов начался массовый приток сюда русских крестьян, особенно в район Семиречья и Сыр-Даринскую область. Следствием этого явилось то, что местные кочевники, в основном казахи, а также местные крестьяне на орошаемых землях (казахи, узбеки, киргизы) лишились источников питания. С переходом к хлопководству Туркестан стал особенно сильно зависеть от поставок зерновых из России, а в 1915 г. они совсем прекратились. На таком фоне Манифест о призывае в армию от 25.06.1916 г., адресованный Степи, Туркестану и Кавказу, в первых из двух названных областей встретил массовое сопротивление. Бездумная колонизаторская политика играла здесь такую же существенную роль, как и национально-религиозное сопротивление, поддержанное мусульманским духовенством, но не зарождавшимся национальным движением, ибо последнее ориентировалось на светские круги и ограничивалось слоями интеллигенции. Применение войск под командованием неверных против братьев по вере — османских турок — было встречено вооруженным сопротивлением и в городах, и среди крестьянского населения Туркестана, где ислам укоренился намного ранее, чем среди казахов, принявших ислам лишь в 18 в. под влиянием волжских татар (и под контролем со стороны русских). Восстание было кровавым, потери людей и экономики в следствии военных действий, систематически производимые разрушения и выселения жителей, а также их бегство приобрели колоссальные масштабы. После жестокого подавления восстания русскими войсками из соседней Сибири удалось до конца осени 1916 г. забрать около 50% запланированного контингента рекрутов⁵¹.

Сопоставимого с этим сопротивления не было у других мусульманских народов империи, хотя и они не рвались воевать. Иногда имгрозило даже обвинение в измене, как было с "татарами" (имеются в виду азербайджанцы Кавказа)⁵². Тем не менее национальные активисты из азербайджано-турецких влиятельных слоев старались создать вооруженные части. Они не хотели довольствоваться участием в "неполноценных" трудовых отрядах, как это предусматривалось Манифестом 25.06.1916 г. Поданная импетиция получила положительный ответ. Из азербайджано-турков и мусульманских горцев Северного Кавказа была сформирована "Дикая дивизия". В 1917 г. ее не коснулись социал-революционные идеи, в отличие от национальных и русских воинских соединений⁵³.

В целом воинское начальство боролось против национальных соблазнов. Так крымско-татарские части были направлены на Западный фронт. Войска с большинством поляков воевали по возможности вдали от польских земель. Правда, численностью поляков воевали по возможности вдали от польских земель. Правда, после того как в 1916 г. перестала существовать разделенная Польша, им было разрешено формирование польских соединений, что привело к созданию в 1917 г. нескольких польских корпусов. В том же году отдельные польские части выступили против бунтовавших русских частей. Аналогичный процесс происходил и с латышами, которым в 1915 г. после потери Российской Курляндии была разрешена организация национальных соединений: сражаясь против германского кайзера, они воевали и против ненавистных немецких хозяев Прибалтики. Как известно, наряду с матросами⁵⁴ важнейшей опорой большевизма в раний период его власти стали батальоны латышских стрелков⁵⁵. Подозреваемые в сепаратизме эстонцы, напротив, лишь в 1917 г. и с серьезными оговорками получили от Временного правительства разрешение на создание собственных соединений. Представители украинской нации были сосредоточены на Румынии и Юго-Западном фронтах. Они составляли здесь около трети всего рядового соста-

ва. Одновременно они были разбросаны и по всем фронтам и гарнизонам. Поэтому до 1917 г. Центральной Раде в Киеве было труждено вопреки сопротивлению Временного правительства создать национальные войсковые соединения. В отличие от поляков, у которых с начала войны был относительно высокий процент дезертиrov, представители прибалтийских немцев, как правило, оставались верноподданными, но при том они восторженно встретили немецкую оккупацию и даже мечтали о присоединении своих земель к Германии и о немецкой колонизации — в первую очередь Курляндии⁵⁶.

Грузины и армяне уже в 1915 г. получили право создания добровольческих соединений в рамках Кавказского фронта. Среди грузинских добровольцев сначала прославлялись представители старых господствующих классов, масса же простого населения относилась к военным событиям отчужденно. У армян, напротив, вследствие геноцида сформировалась высокая готовность сражаться на стороне русских против турок — убийц их сородичей-армян.

Мусульманские организации, подобно социалистическим партиям, всячески упражнялись в антиимперском красноречии, причиной тому было национальное угнетение и отчасти почти колониальный статус народов. В 1917 г. они также потребовали права на формирование мусульманских военных соединений, имея при том в виду уже обозначавшиеся на Кавказском фронте конфликты с армянами, отчасти же надеясь получить автономию или создать обновленное государственное образование, как в Бухаре⁵⁷.

Неполное перечисление этих отношений с перускими народами и требований, предъявленных их представителями, показывает, что петроградские правительства перед лицом поражений 1915—1916 гг. и краха осознали необходимость символических, а отчасти и очень серьезных уступок отдельным нациям в виде разрешения на создание ими национальных войск. Первоначально в основе этого ложали тактические соображения. Такой подход был у России общим с ее противниками. Решающим для исторического процесса было то, что политические организации различных народов — будь то (до Февраля 1917 г.) союзы, комитеты помоши или рулименты партийных организаций, будь то (после Февраля 1917 г.) солдатские комитеты и всевозможные национальные представительства — свои отношения с Россией рассматривали исключительно в аспекте национальной политики⁵⁸. С требованием создания национальных вооруженных соединений у каждой стороны (кроме русской!) были связаны ожидания, которые сводились к тому, чтобы сделать более весомым свое желание получить автономию, создать государственность или даже независимость. В Средней Азии русская сторона, правда, оберегала свою монополию на вооружения, какими бы революционными лозунгами она при этом не отвергала.

58. Российская империя как целое уже почти не интересовала отдельные нации. Как посетовал один русский либерал, они "заботятся только об устройстве своих комнат, а не стройку дома представляют русским"⁵⁹, если вообще не решали покинуть этот дом.

Между тем с 1890-х годов помимо самоутверждения и национально-политического обновления "старых" наций (Польша, Финляндия) происходила известная перемена декораций. Теперь даже некогда подчиненные (аграрные) народы стали политическим фактором. Ни царское, ни Временное правительство не знали, как с ними быть. Разумеется, значимость национальной солидарности у отдельных народов была различной. Она осложнялась социальными проблемами, в первую очередь — вопросом земельной реформы и в связи с ней борьбой против инонациональных по преимуществу землевладельцев: против остзейских немцев в Прибалтике, поляков в западных провинциях царской империи, привилегированных казаков на землях казачьих войск, против грузинской знати на Кавказе или русских крестьян-переселенцев в Средней

Азии. В немногочисленных индустриальных центрах на окраинах – Гельсингфорсе, Риге, Одессе, Донбассе, Баку – преобладала по большей части индифферентная к национальному вопросу социал-революционная воинственная группировка активистов из рабочих, поддерживаемая обычно (русскими) солдатскими и матросскими частями. Здесь нашли поддержку и базу "интернационалисты" большевики, а не национальными. Здесь нашли поддержку и базу "интернационалисты" большевики, а не национализм был отчасти точным определением постольку, поскольку носителями национализма, который в основном находился еще на ранней стадии развития, были, за исключением поляков, армян и грузин, образованные слои населения и в низах они имели более чем слабую базу. В отдельных случаях национальная и социальная мобилизация происходили во взаимодействии. Главными противниками были ионациональные правящие верхи или конкурирующие нации (прежде всего это относится к Кавказу и областям со смешанным населением между Польшей, Белоруссией, Литвой и Украиной), а иногда и уже разваливающаяся русифицированная администрация. Социально-культурный дуализм, на русских территориях и в армии наибольший выражение в лозунгах классовой борьбы, проявлялся и на периферии, хотя здесь он часто выступал в национальных одеждах. В виду численного и культурного превосходства русских в армии и в обществе решающее влияние на процесс революционных преобразований оказывали соотношения сил в российском центре.

б) Социально-культурный дуализм в центре. В конце 18 в. иский немец, сделавший карьеру в Российской империи, писал: "Эстляндский крестьянин... это некое убогое среднее между человеком и скотиной"⁶¹. Несколько позднее русские дворяне менее чинично жаловались на то, что чувствуют себя "расой завоевателей" по отношению к крестьянам. Господы и слуги имели столь чуждые друг другу привыки и образ жизни, словно речь идет о двух разных племенах⁶². Конечно, отмена крепостного права сменила этот контраст, однако не ликвидировала его. После 1861 г. и до столыпинской реформы жизнь крестьян юридически регулировалась многочисленными сословными установлениями, которые должны были оберегать их от превратностей рыночной экономики, но вместе с тем и создавали ряд ограничений. В армии также были отменены наиболее характерные атрибуты подчиненного положения солдат. Сюда в первую очередь относится отмена наказания инцидентами; телесные наказания теперь допускались только по решению суда (1863 г.). Последовательно сокращались сроки действительной службы – тем самым ликвидировалась изолированность солдат как особого сословия. Важенец, введение всеобщей воинской обязанности способствовало посещению школ, так как предъявление аттестата о сланных выпускных экзаменах служило основанием для сокращения срока службы. Хотя и не безу鹧ечно, армия все же стремилась к ликвидации безграмотности солдат. С 80-х годов за время службы число грамотных солдат возросло в среднем вдвое⁶³. Тем не менее, в армии, как и в обществе после 1861 г. по-прежнему отражалось существование "двух России": России состоятельной и образованной и России плебейской. Это обстоятельство не представляло собой проблему, до тех пор пока нижние слои и этносы терпеливо сносили свою судьбу и пока армия была в состоянии принять в свои ряды четверть всех годных службе молодых мужчин одного года рождения. Так было до начала Первой мировой войны. Кроме того, у инстанций имелась некоторая свобода, чтобы не пропускать, например, в гвардию считающихся безусловно неблагонадежными или нежелательными группами представителей определенных этносов⁶⁴. Если рабочие и ремесленники в конце 19 в. считались в армии и флоте "испорченным" в моральном и политическом отношении элементом⁶⁵, то, с другой стороны, руководству приходилось опираться как раз на этих людей в тех родах войск, в которых от солдат требовался хотя бы минимум школы.

ных знаний и знакомство с техникой. Это стало особенно существенным фактором во время рывка технической модернизации после русско-японской войны.

Проблемой всеобщая воинская обязанность стала тогда, когда социальная напряженность вылилась в формы насилия, то есть в 1905–1906 и 1917 г. Тогда оказалось, что в России процессы модернизации шли параллельно как в состоятельных образованных слоях, так и в мире плебесев, и эти процессы нигде не пересекались.

В 1905–1906 гг. ситуация в войсках была неопределенной, поскольку одни и те же войска, остававшиеся в России или вернувшиеся туда, принимали участие в карательных мерах и они же бунтовали. При протестах и отказах от повиновения со стороны рядовых ссылались на Октябрьский манифест. В нем провозглашалась конституция и важнейшие права, но ни слова не было о солдатах. Однако по Крестьянской традиции они восприняли Манифест как "вольную себе". При этом "свобода" могла пониматься совершенно по-разному: право подавать коллективные жалобы – что раньше было запрещено – в основном на материальное положение, на обращение с солдатами; право обсуждать политические вопросы – вплоть до открытого бунта, как это было прежде всего во флоте. Производя карательные экспедиции, правительство в конце концов было вынуждено опираться почти исключительно на гвардию и казачьи части⁶⁶.

Как в оппозиционной культуре радикальной интеллигии, так и в широких массах населения, непопулярны были война с Японией, Германией и Австро-Венгрией.

Ура-патриотизм 1914 г. захватил лишь узкие сегменты общества и просуществовал недолго. Понимаемый в духе национализма лозунг о "германской силе" (внутри и за пределами Российской империи) среди солдат скоро приобрел оттенок лозунга классовой борьбы. Содержащаяся в нем агрессивность к чужакам вскоре обратилась против своих командиров, которых теперь объявили "германскими" шпионами и изменниками. Одновременно в окопах происходили братания с товарищами по несчастью⁶⁷.

С началом Первой мировой войны производилась мобилизация гораздо большего числа призывающих одного года рождения и воспитанных запаса. С точки зрения демографии, теперь впервые могла идти речь о "народной армии", в которой панихи отражение настроения плебейской части общества. В силу мелкобуржуазной структуры сельского населения, которое все еще составляло три четверти всего населения страны, мобилизация трудоспособных мужчин была серьезным отягчающим фактором. Первые трудности обозначились уже в 1915 г. во время мобилизации резервистов. Степень радикализма 1917 г. явно находится в тесной связи с возрастом призванных на фронт людей и средой, из которой они вышли. На Северо-Западном фронте и во флоте преобладали выходцы из рабочей и ремесленной, а также из "полупролетарской", в терминологии советских историков, среды. "Классовые инстинкты", враждебные старым офицерским кадрам, у них были особенно выраженным. На центральном и юго-западном участках фронта, где преобладали выходцы из крестьян, с весны 1917 г. настало сопротивление скорее пассивного характера: отказ от повиновения, братание с противником. С конца лета здесь во все возрастающем объеме имеет место уход из армии. Наименеещий общий знаменатель недовольства и учащавшихся отказов от участия в боях, а также насилиственных действиях было глубочайшее неповиновение к командирам и Временному правительству: в самом широком смысле этого слова это было Правдороянское, антибуржуазное и антикапиталистическое возлечение⁶⁸ и коражденческая усталость патифизма. Среди рядовых шли процессы, аналогичные тем, что проходили на фабриках и в деревнях: старым авторитетам больше не верили и, если требовалось, брали бразды правления в свои руки. С помощью лозунгов власти Сонетов Немедленного мира, радикального решения о земле, праве наций на самоопределение, большевики придали неуправляемым процессам политическое направление, ко-

торос с сентября 1917 г. находило все большее понимание в этносах и слоях, которые прежде были подчиненными.

Резюме

Царская империя была подавлена германской военной машиной не столько вследствие экономической и технической отсталости, сколько вследствие неспособности ее политических и военных элит организовать имеющиеся ресурсы и политически соответствовать требованиям современной войны⁶⁹. Тем самым имевшийся сине до 1914 г. дефисит легитимности режима как в состоятельных и образованных слоях, так и в массе населения стал центральной проблемой. Поражения активизировали культурный дуализм, преобразившийся в дуализм политический. Он почти неизбежно должен был привести к конфликту, когда уже не изолированная как сословие, а "народная" армия была разбита. Буржуазные и умеренные социалистические круги, поддерживающие Временное правительство и Петроградский совет (до октября 1917 г.), потерпели поражение, когда перед ними встало дилемма: имущие слои общества хотели улучшить военное положение, а широкие массы населения, включая рядовых бойцов, хотели немедленного прекращения войны. Крах старых авторитетов дал и национальностям возможность выразить и отчасти реализовать свои притязания. При этом выяснилось, что старый режим утратил лояльное отношение к себе со стороны старых, некогда привилегированных наций, но не приобрел лояльности наций, прежде подчиненных Временному правительству также испытывало трудности с требованиями ранее безмолвствовавших этносов.

В индифферентной к национальному вопросу вышедшей в 1917 г. вперед оппозиции центру соединились центры активистов радикальной интеллигенции, с одной стороны, и социальных низов и подчиненных этносов, с другой. В своей искавости к привилегированным сословиям и диорянским нациям они провозгласили интернациональную этику, которая ставила своей целью преодоление раскола на классы и этносы. Здесь плебейско-интернациональная "коалиция" унаследовала классы и этносы не только "дворянских наций", но и империи. Сформировавшаяся в ходе гражданской войны Красная рабоче-крестьянская армия была опять-таки полигнической, лишь в силу необходимости мирилась с существованием национальных формирований и должна была — с совершенно иным идеологическим обоснованием — неожиданным образом продолжить традицию империи, создав культа военного дела и власти.

Примечания

- См. также лакные, приводимые в: Kappeler Andreas. *Rubland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Verfall*. München, 1992; Suny Ronald Grigor. *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, 1993.
- Olcott Martha Brill. *The Kazakhs*. Stanford, 1987. P.58; Полное собрание законов (далее — ПСЗ). Т.38. № 29124 от 22.7.1822. С.34 и след.
- Rodrich Acade-Ayse. *The Volga Tatars. A Profile in National Resilience*. Stanford, 1986. P.45; Fisher Alan. *The Crimean Tatars*. Stanford, 1978. P.77, 96.
- Fisher. Op. cit. P.75, 85; Kappeler Andreas. *Rubland erste Nationalitäten. Das Zarentreich und die Volker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert*. Köln, 1982. S.245.
- Fisher. Op. cit. P.78, 89, 93; Kazemzadeh Farid. *Russian Penetration of the Caucasus // Human Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution*. New Brunswick / N.J., 1971. P.239—263; Baumann Robert F. *Subject Nationality in the Military Service of Imperial Russia. The Case of the Bashkirs* // Slavic Review 46. 1987. P.489—502.
- Suny Ronald Grigor. *The Making of the Georgian Nation*. London, 1989. P.63
- Freeze Gregory. *The Soslovie (Estate) Paradigm in Russian Social History // American Historical Review* 91. 1986. P.11—36; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С.145 и след.
- В качестве важнейших источников по истории армии с 18 в. до начала Первой мировой войны см.: *Keep John H.L. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia 1462—1874*. Oxford, 1985; Pinner Walter M. *The Burden of Defense in Imperial Russia, 1725—1914 // Russian Review* 43. 1984. P.231—259; Curtis John Sh. *The Russian Army Under Nicholas I*. Durham / N.C., 1965; Зайончковский Н.А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952; Он же. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973; Френкен М. Русская армия и революция 1917—1918 гг. Мюнхен, 1978; Wildman Allan K. *The End of the Russian Imperial Army. Vol. I — 2*. Princeton / N.J., 1980—1987.
- Медушевский А.Н. Указ. соч. С.234 и след.; Mechan-Waters Brenda. *The Muscovite Noble Origins of the Russian in the Generalitat of 1730 // Cahiers du monde russe et soviétique* 12. 1971. 1—2. P.28—75.
- Только гвардейские части уже в 18 в. были расквартированы в казармах Петербурга и его окрестностей.
- Hokanson Katya. *Literary Imperialism. Narodnost' and Pushkin's Invention of the Caucasus // Russian Review* 53. 1994. P.336—352; Barrett Thomas M. *The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity // Russian Review* 53. 1994. 3. P.353—366.
- Kimerling-Wirtschafter Elise. *From Serf to Russian Soldier*. Princeton, 1979. P.71; Curtis. Op. cit. P.112.
- В царской России в личном деле было отражено вероисповедание, но не национальность, поэтому, с известной поправкой, правоставные отождествляются с русскими, причем до 1914 г. к правоставным следует относить также украинцев ("малороссов"), и практически в очень редких случаях белорусов.
- Зайончковский Н.А. *Правительственный аппарат самодержавия России в XIX в.* М., 1978. С.130 и след.; Lieven Dominic. *Russia's Rulers Under the Old Regime*. New Haven, 1990. P.27.
- Обручев Н.Н. (ред.). *Военно-статистический сборник*. Вып.5. Т.1—2. СПб., 1871; Т.2. С.87; Зайончковский Н.А. *Самодержавие...* С.197.
- Зайончковский Н.А. *Самодержавие...* С.199 и след.
- Preden Nancy M. *Russian Physicians in the Era of Reform and Revolution, 1856—1905*. Princeton / N.J., 1981. P.201, 33; Spath Manfred. *Fach- und Standesvereinigungen russischer Ingenieure 1900—1914 // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 1984. S.380 ff., 449; Bahrowski Jorg. *Die Russische Rechtsanwaltschaft zwischen Emancipation und Judenfeindschaft // Jahrbücher für Geschichtswissenschaften* 43. 1995. 4 (im Druck).
- Лихачев Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского врача. Т.1—3. Париж, 1933—1934. Т.1. С.97; Koller John Doyle. *Imperial Russia's Jewish Question, 1855—1881*. Cambridge, 1995. P.342.
- Kenez Peter. *A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // California Slavic Studies* 7. 1973. P.121—158. P.140.
- Зайончковский Н.А. *Самодержавие...* С.211.
- Roger Hans. *The Skobelev Phenomenon: The Hero and His Worship // Oxford Slavonic Papers* 9. 1976. P.46—78.
- Kenez A Profile... P.153. О проблеме империализма и национализма в России см.: Geyer Dietrich. *Der russische Imperialismus*. Göttingen, 1977; Kappeler Andreas (Hg.). *Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart*. Köln, 1990.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского цивилизизма (XVIII — начало XIX вв.). СПб., 1994. С.164 и след.
- Зайончковский Н.А. *Самодержавие...* С.240 и след.; Stein Hans-Peter. *Der Offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861—1905) // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 13. 1967. S.430.
- Bushnell John. *Mutiny and Repression. Russian Soldiers in the Revolution of 1905—1906*. Bloomington / Ind., 1985. P.109.
- Benz Ernst. *Die Revolution von 1905 in den Osteuropäischen Reibländen*. Phil. Diss. Mainz, 1990.
- Fuller William C.-jr. *Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914*. Princeton, 1985.
- Mayzel Mottiahu. *Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite*. Osnabrück, 1980.
- Kenez A Profile... P.145.
- Корчаков Б.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Уч. зап. ИГУ. Сер. исторических наук. Вып.24 (№ 205). 1956. С.80.
- О законоисполнительстве и практике рекрутского набора в 18—19 вв. см.: Александров Н.А. Сельская община в России (XVIII—начала XIX вв.). М., 1976. С.242 и след.; Kimerling-Wirtschafter Elise. *From Serf to Russian Soldier*. Princeton, 1989. P.3; Bohac R. D. *The Mir and the Military Draft // Slavic Review* 47. 1988. 4. P.652—666; ПСЗ Т.14 № 10785 от 23 дек 1757. С.840 и след.; ПСЗ Т.17 № 12748 от 19 сент. 1766. С.996 и след.; Croix Paul de la. *Rekrutenverordnung*. Mitau, 1832; Свод уставов о повинностях. СПб., 1842.
- ПСЗ Т.29. № 22418 от 1 янв. 1807. С.977.
- ПСЗ Т.23. № 17249 от 7 сент. 1794. С.552 и след.; ПСЗ Т.23. № 17393 и 17394 от 6 окт. и 8 окт. 1795. С.804; ПСЗ. Т.24. № 17584 от 28 нояб. 1796. С.20; Kohut Zenon K. *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s—1830s*. Cambridge / Mass., 1988. P.221.
- Stork Heinrich. *Rubland unter Alexander dem Ersten*. Bd. 1—6. Sankt-Petersburg, 1804—1805. Bd. 2. S.154—155.
- Kappeler. *Nationalisierung*. S. 265, 270.

- 36 *Levitas Isaac*. The Jewish Community in Russia, 1772–1844. New York, 1970 (Nachdruck von 1944), P.57; *Stanislawski Michael*. Tsar Nicholas and the Jews. The Transformation of the Jewish Society in Russia, 1825–1855. Philadelphia, 1983. P.20 etc.
- 37 Исключение составили во время Крымской войны татары Поволжья, уклонявшиеся от службы при поддержке духовенства, от рекрутского набора по той причине, что не хотели воевать со своими братьями по вере. См.: *Kappeler*. Nationalität. S.404.
- 38 *Bernhard Theodor*. Vermischte Schriften. Bd.1–2. Berlin, 1879. Bd.1. S.359.
- 39 *Peters Dorothea*. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugachev (1773–1775) // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 17. 1973. S.119; *Raeff Marc*. Pugachev's Rebellion // *Foster R., Greene J.P. (Ed.)*. Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore, 1973. P.197.
- 40 *McNeal Robert H.* Tsar and Cossak, 1855–1914. New York, 1987.
- 41 Зайончковский Н.А. Военные реформы... С.260.
- 42 *Beauvois Daniel*. The Noble, the Serf and the Revizor. The Polish Nobility Between Tsarist Imperialism and the Ukrainian Masses (1831–1863). Chur, 1991.
- 43 *Kappeler Andreas*. Zur Charakteristik russischer Terroristen 1878–1887 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 27. 1979. S.520–547; *Perric Maureen*. The Social Composition and Structure of the Socialist Revolutionary Party // *Soviet Studies* 24. 1972. P.223–250; *Mosse Werner E.* Makers of the Soviet Union // *Slavie and European Review* 45. 1968. 106. P.141–154.
- 44 *Милютин Д.А.* Мысли о несвободах существующих в России военной системы (1856) // Рукописный отдел Библиотеки им. Ленина. Ф.169. № 22/29. Рукопись; Зайончковский Н.А. Самодержавие... С.119.
- 45 *Baumann Robert F.* Universal Service Reform and Russia's Imperial Dilemma // *War and Society* 4. 1986. P.31–49.
- 46 В 1870 г., т.е. еще до введения всеобщей воинской обязанности, национальный состав всех рекрутов Российской империи без Королевства Польского, численность которых достигала почти 94 000 чел. (при 17 000 в Польше), был следующим: великороссов – 61%, украинцев – 28%, латышей – 1,9%, татар – 1,5%, эстонцев – 1,2%, евреев – 16,2%, литовцев – 0,8%. – См.: *Обрушев Н.Н. (ред.)*. Военно-статистический сборник. Вып.5. Ч.1–2. СПб., 1871. Т.2. С.227.
- 47 *Wildman*. The End. Bd.1. P.103.
- 48 *Спицберг Г.В.* Указ. соч. Т.2. С.206 и след. По данным переписи населения 1897 г., гнет воинской повинности был весьма неодинаковым для различных национальностей. В строю были – с учетом военнослужащих офицеров – 2,4% рус-
- ских, 2,2% поляков и евреев, 1,9% украинцев, 1,7% немцев, 1,1% латышей и татар. Наименьшую долю составляли белорусы и эстонцы – 0,9%, литовцы – 0,7%, а также добровольно пришедшие на службу грузины и армяне. Данные получены из: *Bauer H., Kappeler A., Roth B. (Hg.)*. Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897 (= Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. Bd.32 A-B). Stuttgart, 1991. Bd.B. S.81–82, 153.
- 49 *Милютин Д.А.* Старческие воспоминания // Рукописный отдел Библиотеки им. Ленина. Ф.169. № 15/1. С.46 и след; № 16/2. С.96; № 16/4. С.174 и след.
- 50 *Juikkala Eino, Pirinen Kauko*. Geschichte Finnland. Stuttgart, 1964. S.315.
- 51 *Olcott*. Op. cit. P.118.
- 52 *Suny*. Op. cit. P.180.
- 53 *Altstadt Audrey L.* The Azerbaijan Turks. Power and Identity Under Russian Rule. Stanford, 1992. P.78.
- 54 Флот также был полигэтническим по составу. В 1917 г. в Балтийском флоте было примерно 75% русских, 15% украинцев, 7% белорусов и около 5% других национальностей. – *Гаркавенко Д.А.* Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма // История СССР. 1963. С.36–56, 55.
- 55 *Ezergailis Andrew*. The Latvian Impact on Bolshevik Revolution. The First Phase & September 1917 to April 1918. Boulder / Colo., 1983; *Хезин С.С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971.
- 56 О возникновении национальных соединений и национальных групп в российской армии см. *Френкин М.* Указ. соч. С.211 и след.
- 57 *Pragmatiche dokumenty musul'manskich politicheskikh partij 1917–1920 gg.* Oxford, 1982. P.20, 35, 51, 62, 124.
- 58 О национальных движениях с 1917 г. см.: *Менгер Gerhard von*. Der nationale Kampf der Rußlandtürken. Ein Beitrag zur nationale Frage der Sewjetunion. Berlin, 1936; *Pipers Richard*. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge / Mass., 1974 (2 Ed.); *Kappeler*, Rußland. S.284 ff.
- 59 *Кокорин Ф.Ф.* Автономия и федерация. СПб., 1917. С.15.
- 60 *Suny Ronald G.* Nationalism and Class as Factors in the Revolution of 1917 (= Center for Research on Social Organization. Working Paper 365). Ann Arbor, 1988; на примере Украины: *Guthier Steven L.* The Popular Base of Ukrainian Nationalism in 1917. Slavic review 38. 1979. P.30–47.
- 61 *Shell*. Briefe über das russische Kriegswesen an den jungen Cavalier. Frankfurt, 1790. S.34 f.
- 62 *Turgeneff N.* Rußland und die Russen. Bd.1. Grimma, 1847. Bd.2. S.108; *Dudek G. (Hg.)*. Dekabristen. Dichtungen und Dokumente. Leiden, 1975. S.331.
- 63 *Миронов Б.Н.* История в цифрах. Л., 1991.

- 64 *Корчаков Б.М.* Состав... С.60.
- 65 *Карчев П.* Кохандашение отдельной части. Практические заметки из служебного опыта. СПб., 1883. С.128 и след.; *Бутовский Н.* О способах обучения и воспитания современного солдата (Практические заметки командира роты). Т.1–2. СПб., 1886–1889. Т.1. С.8.
- 66 *Bushnell*. Murky. P.120.
- 67 *Wildman*. Ende... Bd.1. S.92, 11, 116, 156. Stellen; *Stein*. Offizier... S.74, 193.
- 68 *Kolonitskii Boris I.* Antibourgeois Propaganda and the "Anti-burzhuai" Consciousness in 1917 // *Russian Review* 53. 1994. 2. P.183–196.
- 69 Это положение особенно подчеркивается в работе: *Stone Norman*. The Eastern Front 1914–1917. London, 1975.